

Девятого января 2006 года, сядя утром за письменный стол, я увидел над горой Российской высокой луч, устремленный ввысь.

День обещал быть погожим, небеса радовали Южно-Сахалинск чистотой, только в голубой дали за хребтами кучковались белесые облака, не смея заслонить блеск заснеженных вершин.

Луч этот был удивительным: он сиял всеми цветами радуги, переливался под солнцем, взошедшим правее, загадочно манил, волновал, проникал в душу. От него невозможно было отвести взор. Стало радостно, как в детстве: на какие волшебства способна природа!

Солнце притягивало загадочный луч к себе, он стал постепенно перемещаться вправо, паря над сопкой, уменьшаясь, наконец превратился в розовое облачко, краски его померкли и растаяли.

Я как раз работал над очерком о Шуре Хан и невольно подумал: ведь ее жизнь была похожа на этот чудесный луч.

В наши тягостные, тревожные дни, когда повсеместно обнаруживается смута в умах, когда отсутствие великих целей, понятных каждому, ввергает человека в полную растерянность, есть настоятельная необходимость открыть страницы истории и призвать себе на помощь личности незаурядные, близкие нам по духу. В годину тяжких военных испытаний обратились мы к подвигам Александра Невского, Дмитрия Донского, Минина и Пожарского, Александра Суворова и Михаила Кутузова. Их имена осенили знамена ратных полков, отстоявших родную землю.

И в наше время требуются талантливые оберегатели земли Русской, державные мужи, а не пигмеи, чтобы помочь люду выбраться из болотной трясины, куда занесло нас по воле лукавых реформаторов. Позарез нужны личности, которые помогли бы нам встряхнуться от алкогольного и наркотического дурмана, очиститься от грязи бездуховности, спастись от растлителей, выливающих на нас ушаты помоев со страниц газет, журналов, романов, телевизионного экрана. Нам нужен свет гуманизма, как свет солнца.

Не будем тревожить тени великих людей, а обратимся к тем, кто жил среди нас. К когорте замечательных сахалинцев относится и рыбачка Александра Степановна Хан, Герой Социалистического Труда. Она родилась семнадцатого ноября 1906 года.

К сожалению, судьбы многих сахалинцев складывались так, что главная, самая содержательная часть их жизни проходила здесь, в островной области, затем они уезжали, выслужив пенсию, и след их терялся. Там не знали их заслуг, тут забывали. Так случилось и с Александрой Степановной. В Подмоскowie она уехала в зените

своей славы. Выросли поколения, которые о ней ничего не знают, а надо, чтобы связи с прошлым не прерывались, чтобы ее обаятельный облик всегда был перед нами и звал людей делать добро. Ее общественная работа не менее значима, чем перевыполненные производственные планы. Это самое дорогое наследство, что нам досталось, это источник целебной духовной силы. И мы, по долгу гражданственности и человечности, должны сохранять память о ней.

ПОСТУПОК

В начале 1948 года (точная дата не имеет никакого значения) к директору Северо-Холмского рыбокомбината пришла переводчица Шура Хан и высказала соображения о том, чтобы создать рыболовецкую бригаду из корейцев. Переводчица рассуждала: рыбацким делом занимаются сезонники, завезенные из глубин огромной державы, моря они никогда не видели, как править веслом — не знают, рыболовство представляют по своим деревенским понятиям: портки скинул, бредень затянул и вари уху. Люд это в основном бессемейный, от бесприютности, барачной тоски и житейских неудач они впадают в пьянство, дуреют в сизом дыму забегаловок и чайных. Им мерещились «длинные» рубли, а тут заработка нет, потому что улова нет, а улова нет, потому что нет порядка. И государственные деньги тратятся впустую.

Директор рыбокомбината о производственных неполадках знал не хуже переводчицы, но он ее недолюбливал. Служебных обязанностей у нее набиралось на полчаса: утром растолмачь начальственные распоряжения, а дальше сиди в теплой конторе, гоняй чай и сплетничай напрапалую, никакой черт тебя не спросит, даже если уйдешь домой. Она же совала нос в производственные дела, и это раздражало директора. Он ответил ей коротко и ясно:

— Не твоего ума дело.

Подчиненные к начальникам обращались на «вы», начальник подчиненным говорил «ты». Так было принято, начальнику всегда было виднее, обсуждать его мнение, спорить с ним — что против ветра плевать. Но тут нашла коса на камень.

Шура отправилась к управляющему Западно-Сахалинским госрыбтрестом Альперину. Михаил Семенович выслушал ее со вниманием. В Гражданскую войну он лишился глаза, но даже одним видел вдесятеро больше того, о чем сказала переводчица. Сущей бедой была острая нехватка руководителей среднего и низшего звеньев, имевших организаторские способности, обладавших твердым характером, желавших крупных перемен в море толчеи и бесхозьяйственности. Многие начальники свою должность воспринимали как возможность лишний раз, включая рабочее время, хлопнуть стакан спирту.

В экспрессивной речи женщины он уловил характер. Дельное предложение могло послужить завязкой хороших перемен. В конечном итоге рыбацкий успех обеспечивал толковый бригадир.

— Ладно, бригаду создадим, но при одном условии: бригадой будешь руководить сама.

Шура колебалась не больше минуты.

— А что? Возьмусь!

Альперин в ее присутствии позвонил директору рыбокомбината.

На другом конце провода ему, видимо, энергично возразили.

— Нет! Я принял решение! — твердо сказал управляющий.

Хождение к вышестоящему начальству директор рыбокомбината воспринимал всегда за личное оскорбление, не выдержал и тут, спросив с ехидством:

— Юбкой будешь ловить рыбку?

Но приказ издал, ссылаясь на устное распоряжение Альперина. В душе он таил зло на обоих: «Пусть глупая баба попробует, живо свернет себе шею, а расхлебывать будет управляющий трестом». С подачи директора новость на рыбокомбинате вызвала град язвительных насмешек.

Между тем у директора рыбокомбината были серьезные основания для сомнений. Как можно было доверить рыболовецкую бригаду Шура, если раньше она вообще никогда не соприкасалась с производством, занимала, имея за плечами семь классов, должности канцелярские: заведовала детсадом, библиотекой, работала инспектором гороно, секретарем-кассиром, инспектором госстраха. А ведь рыболовецкая бригада — не детсад; рыбацкое дело, суровое и рискованное, не всякому мужику по силам.

Как же она решилась? Люди, хорошо знавшие ее, отвечали: так это же Шура Хан! В Гражданскую она по-гайдаровски командовала бы полком, в Отечественную — стрелковой ротой или санитарным батальоном. В восемнадцать лет стала первой комсомолкой на весь Посыетский район в Приморье, в двадцать — депутатом сельсовета. Еще до депортации корейского населения с Дальнего Востока в Среднюю Азию и Казахстан, начавшейся осенью 1937 года, Шура успела побывать в составе делегации хетагуровок на приеме у Н. Крупской. Ей написали речь, но она демонстративно отложила листки и сказала Надежде Константиновне обо всем, что волновало девушек Приморья.

Больно ранили ее репрессии 1937–1938 годов. Ее первого мужа Василия Ивановича Пака, секретаря райкома комсомола, арестовали и расстреляли, та же трагическая участь постигла двух ее братьев. С тавром родственницы «врагов народа» на фронт ее не взяли, несмотря на самые настоячивые просьбы.

На Южном Сахалине Шуру поразил вид запуганных сородичей-корейцев. Советская власть освободила их от японцев, однако не смогла освободить от рабской психологии. Они не знали русского языка, безропотно терпели бытовые невзгоды, об условиях труда и размерах оплаты не смели и заикнуться. Среди них имелись опытные рыбаки, но как они могли использовать свой опыт?

Советская власть открыла корейские школы, стала издавать значительное количество переводной художественной литературы на корейском языке, в том числе «Мать» М. Горького, «Как закалялась сталь» Н. Островского, «Молодую гвардию» А. Фадеева. Но не в силах была ликвидировать труппы, в которых оставалось жить корейское население. Процесс этот растянулся на десятилетия.

Шуре Хан шел сорок второй год, в жизни она уже повидала немало, но даже репрессии не смогли укротить в ней дух романтических устремлений, жажду действий, не поколебали веру в идеи социализма. Она была убеждена, что воплощать эти идеи в жизнь можно только одним способом — трудом, в данных условиях — надеть робу и добывать рыбу. Она взяла на себя ответственность за судьбу бригады, за заработок, за благополучие людей, их безопасность, за план, за свою честь.

Сколько людей, вступая на извилистую тропу жизни, лелеяли мечту о том, как достигнут ее сияющих вершин. Но после первого же подъема жар сердца угасал, взгляд менялся, и они изрекали: умный в гору не пойдет, умный гору обойдет. Они не брали ответственности даже за приготовление обеда для собственного желудка, полагая, что государство, пусть даже в лице общепита, должно их накормить.

ОТ НОЧНОЙ ЗВЕЗДЫ ДО ЗОЛОТОЙ

Если кратко, то ее рыбацкая карьера выглядела так. Шестого апреля 1948 года Шура Хан выставила в Татарском проливе первый невод, а восьмого пригнала на приемный пункт кунгасы с уловом. Вскоре рыбозаводу «Поляково» стало известно, что бригада, сформированная переводчицей, сдала две с половиной тысячи центнеров первосортной сельди и перевыполнила годовой план.

В 1949 году ее бригада выловила около десяти тысяч центнеров, выполнив три годовых плана.

В ночь с тринадцатого на четырнадцатое апреля 1950 года на берег было доставлено пять тысяч четыреста центнеров сельди при весеннем плане в пять тысяч триста семьдесят центнеров.

Утром двадцать второго апреля 1951 года она завершила выполнение путинного задания. Так было из года в год. За двенадцать лет бригада добыла девятьсот тысяч центнеров рыбы — эшелон в пятьсот вагонов.

Второго марта 1957 года она была награждена орденом Ленина. Седьмого марта 1960 года Указом Президиума Верховного Совета СССР Александре Степановне Хан было присвоено звание Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина и золотой медали «Серп и Молот». Слава о ней полетела легкокрылой птицей. Выходило почти по Цезарю: пришла, увидела, победила. Что это было — фортуна, везение, рыбацкая удача?

Заглянем на минуту в зал, где проходит XIII Холмская городская партийная конференция. Завершается 1959 год, и докладчик, первый секретарь горкома Леонид Главный, обращает внимание присутствующих на два новшества экономического характера: образовалось управление сейнерного флота и на базе четырех рыболовецких колхозов создан один — «Путь к коммунизму». Появление крупных предприятий обещало подъем районной экономики, но радоваться пока было нечему. За одиннадцать месяцев недолов рыбы по управлению сейнерного флота составил более пятидесяти тысяч центнеров. Промысловый флот из-за аварийных ремонтов, нарушений трудовой дисциплины и прочих причин потерял за девять месяцев четыреста восемьдесят судосуток. Девятнадцать судозкипажей (половина флота!) не выполнили государственных планов. Только в третьем квартале по продукции вновь созданного предприятия было получено пятьдесят девять исков и рекламаций на сумму четыре с половиной миллиона рублей.

Не лучше обстояли дела и в колхозе. Из двадцати семи судоконанд только четыре справились с производственными заданиями. Колхозный флот простоял у причалов свыше тысячи пятисот судосуток по причине пьянства членов экипажей, поломок судовых механизмов.

«Правление колхоза, — подчеркивал докладчик, — плохо использовало благоприятную обстановку для организации неводного лова».

Так что достижения бригады А. С. Хан действительно были выдающимися.

Журналисты, местные и столичные, тянулись на ее огонек, все старались выпытать «секреты» ее достижений; ей предоставляли трибуну во время рыбацких совещаний, чтобы поделилась опытом. Она охотно рассказывала о себе, о членах бригады, о трудностях и способах их преодоления. Но далеко не каждый слушатель и читатель понимал самое главное и самое неуловимое ее достоинство — человечность.

Строитель начинает не с крыши, а с фундамента, и только потом возводит стены, тщательно укладывая кирпич на кирпич, скрепляя их цементирующим раствором. Так и Шура Хан создавала бригаду. Бригада работала только сезон, люди набирались из разных предприятий, и на организатора ложилась уйма дел. Во-первых, договориться с руководителями хозяйств, чтобы они отпустили на путину нужных работников. Во-вторых, группу малознакомых мужчин сцементировать в целеустремленный коллектив, готовый подчиниться единой дисциплине, способный проявить сноровку, трудолюбие, отвагу, чтобы выполнить план и за это получить достойную зарплату. Далее надлежало обеспечить бригаду материальными средствами: неводом, канатами, грузилами, наплавами, кунгасами. Невод перебрать, подремонтировать, кунгасы проконопатить и просмолить. Вместе с этим предстояло изучать рыбацкую науку. Главным наставником стал старый рыбак Василий Яковлевич Лемешко, поверивший в звезду расторопной женщины. Он стал звать ее дочкой и консультировать

по всем направлениям, заскоруждой рукой вычерчивал конструкцию невода и схему его установки. Оказалось, что невод — это гигантское сооружение длиною свыше километра, имеющее свои улицы, переулки и закоулки. Прежде всего его надо уметь поставить в море, где даже в хорошую погоду постоянно движутся невидимые струи подводных течений. Это не огород, колья тут не забить, поэтому на дно опускают до полутора тысяч пикулей — мешков с галькой. Но даже если поставил все ладом, так рыба не дура, может в невод и не пойти. А если и зашла, так она еще не поймана, надобны умения и проворство, чтобы улов взять и доставить на берег. Дед Лемешко и невод помог подготовить, и кунгасы подремонтировать, просмолить, и в море вышел. Лодку качает, Шура и весело, и жутковато, смеясь, хватается она за борта. Василий Яковлевич учит, как держаться, как вести промер глубин, как ориентироваться по береговым огням и звездам, объясняет десятки мелочей, от которых зависит улов. Звезды здесь ближе и ярче, а свои береговые костры легко спутать с чужими.

Наконец Шура выставила невод, но Василий Яковлевич покачал головой.

— Неправильно.

— Ты что, видишь с берега?

— С берега я вижу больше, чем ты с моря. Поехали, исправим ошибки.

Шура живо усвоила урок старого рыбака. Он предупредил:

— Главное теперь — не прозевать.

Вся бригада находилась на берегу в полной боевой готовности. Грелись у костров и ждали сигнала дежурного. Шура стояла у самой воды, а трудом унимала внутреннюю дрожь: и холод пробирал, и волновалась изрядно. А вдруг дежурный прозевает или уронит спички, или случится с ним что-то непредвиденное. К костру она придвигалась спиной, боясь упустить самый ответственный момент.

Факел на дежурном кунгасе вспыхнул в два часа ночи.

— Весла на воду!

Шура впервые увидела, как фосфоресцирует море. Косяк был такой плотный, что когда молодой рыбак в переизбытке восторга свалился за борт, то страха не испытал.

— На рыбе лежу!

Буквально через полчаса пришлось закрыть ворота невода. Улов перегнали в садки, а затем стали загружать кунгасы.

Первый улов! Первая радость!

В тот самый день, когда Шура доложила о выполнении путинного задания, разбушевался шторм и не утихал две недели. Когда море угомонилось, рыбы не оказалось, косяки ушли далеко на север. Кто прозевал первый день — не взял ни хвоста. А Шура со своей бригадой выехала на экспедиционный лов за вторым планом.

На второй год бригада получила два невода. Едва их выставили, как передали штормовое предупреждение. Соседи стали снимать ловушки. Шура побежала к Василию Яковлевичу: что делать?

— По тому, как ломит мои кости, могу определить, что шторм будет не выше семи баллов. Потреплет, конечно, немного, но невод устоит. Надо только там дежурить.

И он показал туда, где уже играли на волнах белые барашки.

В бригаде заспорили: одни стояли за предложение деда Лемешко, другие считали, что лучше подстраховаться, чем потерять невода. Старый рыбак сказал:

— Страшен не шторм, страшен беспорядок на море. Без твердой дисциплины будет погибель.

Шура решила:

— Невода убирать не будем. На первую вахту поеду я.

Одну ее не хотели отпускать, но она твердо заявила, что обязана знать, что такое вахта на кунгасе, что нужно рыбаку, чтобы выдержать испытание.

И на два часа, до смены, она осталась в зыбкой посудине наедине с темнью и тяжелыми волнами. Экзамен она сдавала самой себе. Старалась не отбывать тут

время, а использовать его с толком, найти способ, чтобы побороть страх и преодолеть тоску одиночества. А способ один — заняться делом: вычерпывать воду, проверять прочность креплений, определять направление ветра, думать о людях, просчитывать планы на ближайшие дни, месяцы, определять все хорошее, что есть в коллективе, устранять недостатки. И два часа пролетели незаметно, смена прибыла вовремя.

В такой обстановке вахту несли почти неделю. Стихло к вечеру, с кунгаса дежурный подал сигнал — косяк! Шура на катере подошла вовремя и успела закрыть ворота невода. Она уже знала: если сельдь плотно забьет ловушку, то невод ляжет на дно и никакая сила его оттуда не поднимет.

Соседние бригады только устанавливали невода, а Шура гнала к пирсу улов. Упорство, мужество людей окупилось сторицей. За ночь бригада добыла более четырех тысяч центнеров, что составило сто двадцать процентов годового плана.

Однажды циклон налетел внезапно. Шура сдавала рыбу, когда ей подали радиogramму. Надо было спешно снимать людей, и она взошла на катер. А ее умоляли остаться, не подвергать себя смертельному риску, снять рыбаков шкипер мог и без нее. Но она пошла. Она предпочла бы погибнуть вместе с рыбаками, чем бросить их на произвол стихии. В тот вечер она думала только об одном: снять людей. Она обошла все звенья, отдала нужные распоряжения, как вдруг у самого дальнего кунгаса машина заглохла — на винт намоталась дель. Это одно из самых неприятных явлений, которые случаются с большими и малыми судами. Работающий винт, наматывая дель или канат, спрессовывает его до такой плотности, что острый нож берет с трудом. Двигатель глохнет, и судно оказывается во власти стихии. Наступила темень, вокруг бесновалась снежная пурга, волны то вздымали посудину на гребень, то ввергали ее в пучину. Моряки ручной помпой откачивали воду, Шура страдала от качки, ее тошнило, разламывало голову, свинцом наливались ноги, но она, сжав нервы в кулак, стоически переносила испытание. Она думала о своих рыбаках, жгла факелы, промасленные фуфайки, резиновые сапоги, подбадривала рыбаков на кунгасе:

— Держитесь!

Те, кто пережил подобную ночь, знают, как спасителен человеческий голос в кромешном аду. Но ее люди на кунгасах держались не только стойкостью бригадира. Они уже имели опыт: отпустили кунгас на всю длину каната и «отыгрывались» на волнах, беспрестанно вычерпывая воду. На берегу никто из членов бригады всю ночь не сомкнул глаз.

Утром стихия ослабела, и пленников моря доставили на берег.

— Все живы? — спросила Шура.

— Все! — ответили ей с веселым смехом.

— Чему смеетесь?

— Глянь в зеркало, лицо все в копоты, словно в аду была.

— А я и была в аду!

Каждая путина обогащала Шуру опытом, и подобных происшествий она старалась больше не допускать. Вместе с тем она усваивала не только свой опыт, но и чужой: консультировалась со специалистами, беседовала с практиками, с членами своей бригады, изучала специальную литературу, становясь мастером своего дела.

Здесь уместно будет привести выдержку из доклада начальника Главсахалинрыбпрома В. А. Джапаридзе на коллегии Министерства рыбной промышленности Союза ССР, где слушался вопрос об итогах работы Главсахалинрыбпрома за десять месяцев 1950 года и мероприятиях по выполнению плана 1951 года.

«На 1950 год был установлен план в количестве 2180 тыс. центнеров. На 20 ноября добыто 15012 тыс. 400 центнеров, или 69,3 %.

В весеннюю путину текущего года обстановка на западном побережье была чрезвычайно сложной. Подход сельди начался с опозданием на 6 дней. На третий день хода сельди (с 14 по 15 апреля) разыгрался шторм до 8 баллов. С установлением погоды

сельдь дружно пошла, но 19 апреля шторм достиг 8–10 баллов, а в море находилось 528 ставных неводов, на закрытых и открытых рейдах было поставлено 208 садков с рыбой.

В условиях разыгравшейся стихии ловцы принимали меры к спасению неводов и флота.

Наибольшую часть неводов и флота удалось спасти, однако при этом погибло пять рыбаков, разбито 111 садков с рыбой, 119 неводов, 203 кунгаса, 11600 сетей.

В этом году общее количество рабочих в период путины составило 55333 человека, 59,2 % из них — постоянные кадры. Они оказывают огромное влияние на организацию производственного процесса.

Планом, составленным на основании лимитов министерства по производству и себестоимости, определен по Главку убыток в 122 млн. 500 тыс. рублей. По предварительным подсчетам общий убыток составил 274 млн. руб.».

Далее докладчик представил список передовиков производства. В списке самой первой была:

«Хан Александра Степановна — бригадир ставного невода рыбозавода «Поляково». Годовой план выполнила на 177 %, добыла 8915 цнт. рыбы при плане 5300 цнт.».

БРИГАДА

Однажды Холмский горком партии проводил совещание рыбаков. Первый ряд в зале заседаний выделялся особой подтянутостью, даже щеголеватостью. Костюмы на всех с иголочки, рубашки белые, галстуки модные, туфли кожаные. Секретарь не сдержал восхищения:

— Сразу видно, что это бригада Александры Степановны Хан.

Давно уже забыли того директора рыбокомбината, который не хотел принимать ее на работу, давно она стала маяком областного масштаба, имя ее не сходило с газетных страниц, но взгляд на достижения оставался однобоким. Как бригаду встречали по одежке, так и дела Шуры оценивали только по показателям. Сияющие цифры заслоняли огромную будничную работу, которая проводилась внутри бригады и в конечном итоге обеспечивала желанный результат. Руководствуясь своей женской душевной чуткостью, она определила, что главным делом должна стать забота о людях. Не сразу, но она сумела создать такие условия труда, обеспечить такой высокий заработок, а следом и жизненный уровень, что люди шли к ней с огромным желанием. Конечно, членам бригады льстили и производственные показатели, и упоминание их имен в газетных репортажах, но главные достижения заключались в том, что они стали хорошо жить — вкусно есть, хорошо одеваться, обеспечивать семью.

Прибрежное рыболовство — явление сезонное. Идет рыба — бригада в сборе; закончилась путина — разошлись по местам своей основной работы, сам бригадир используется на подсобных делах, на посылках. В те поры волны сезонников волею властей перекачивались весной на путину, зимой — на лесозаготовки. Производительность труда при этом оставалась низкой, трудовая дисциплина — тоже, ответственность — нулевой, дневного заработка едва хватало на стакан спирта без закуски. Шура на всех уровнях доказывала, что такое расточительство людских ресурсов пагубно, оно способствует лишь чрезмерной трате государственных средств. Сначала она добилась того, что основной костяк бригады (пятнадцать — семнадцать человек) стал штатным. Осенью и зимой они занимались подготовкой к путине, хотя в случае необходимости привлекались и к другим работам, особенно на уборку рыбной продукции. После весенней путины они продолжали промысел на летних неводах, затем выезжали на экспедиционный лов.

Рабочие, привлекаемые из других организаций на период весенней страды, вели промысел с одинаковым мастерством, так как они за несколько лет в совершенстве

овладели методами прибрежного лова сельди. Все составляли единый дружный коллектив, каждый член которого хорошо знал свои обязанности.

Из-за сезонников в первые годы приходилось вступать в спор с руководителями предприятий, те не хотели отпускать людей: у тебя план — у меня тоже план. Раза два бегала жаловаться в горком, а потом нашла иной подход. Придет к начальнику, пошутит, посмеется:

— Давай посидим рядком, поговорим ладком. Неужто тебе в заводскую столовую свежая рыбка не нужна? Ну, то-то!

Загодя обходила она всех членов бригады, знала состав семьи и нужды каждого. За месяц до начала путины собиралось общее собрание. Шура докладывала, сколько будет неводов, каков план, каковы расценки, прикидывала примерный заработок. Накануне вся бригада переселялась на стан, разбивала палатки, в одной из них отводили уголок бригадиру. Тут все было в полной боевой готовности: постель, курево для курильщиков, свежие газеты и журналы, шахматы и шашки, пища духовная и телесная. В кассу каждый вносил двести рублей (после 1961 года — двадцать), Шура шла в городской торговдел и выписывала наряд на продукты. Продуктами ведал артельщик — доверенное лицо бригады. Нанятый повар готовил пищу, для рыбаков оставалось одно — лов. И когда начинался рунный ход, бригада без суеты и аврала выходила в море. На первом кунгасе неизменно находилась хозяйка стана.

Общий труд сам по себе приносит огромную радость, если в нем слажены все звенья, если даже движения многих рук — как одна рука. Апофеозом звучит старинная корейская песня, прославляющая богатый улов. И никто не замечал времени — день ли, ночь, никто не знал усталости, не ощущал голода — в случае необходимости горячую пищу доставляли прямо на кунгас. Никто не замерзал, так как Шура лично следила, чтобы под рыбацкой робой было фланелевое белье, шерстяной свитер, меховая душегрейка, а внутри резиновых сапог — чулок на меху мягкой выделки.

Болтали, будто в бригаде дисциплина была жесткой, даже суровой. Нет. Лишь поначалу выставили одного или двух любителей спиртного после бурного обсуждения на собрании и таким образом решили проблему с пьяницами и прогульщиками на двадцать лет вперед. В других бригадах, на рыбокомбинатах, в леспромхозах и колхозах, на фабриках и заводах — по всей стране шла ежедневная борьба за укрепление трудовой дисциплины. Лодырей и выпивох пропесочивали на заседаниях и собраниях, изображали их в карикатурах, издавали грозные приказы, лишали премий, переносили на зиму отпуска, махали шашками налево и направо, рубя головы зеленому змию. Но вместо одной головы вырастало три, вместо трех — девять.

Шура не учиняла разносов, никого не отчитывала. Дисциплина в бригаде была естественным состоянием, ее не замечали, как не замечают воздух, которым дышат. Послушные и трудолюбивые корейцы обожали маму — омони, готовы были идти за ней в огонь и в воду. До начала зарождения бригад коммунистического труда у Шуры таковая уже существовала. И дело не в названии, а в сути. Бригада жила по гуманистическим артельным принципам: забота всех о каждом, а каждого обо всех, взаимовыручка, общий трудовой и жизненный интерес. У кого случалась беда — вся бригада всколыхнется, помогут словом, делом, деньгами. Заболел кто — Шура не профсоюз посылает, а приходит в больницу сама, для больного любое лекарство из-под земли достанет, фрукты принесет, с врачами побеседует, рыбки подбросит. Тогда вся больница блаженствует: на обед наваристая уха, на ужин рыба жареная — трескают от пуза и больные, и доктора. Если радость в семье — родился ребенок или подоспела свадьба, — поздравят от души, подарками завалят. Сейчас это покажется анахронизмом, лакировкой, а тогда ходили всей бригадой, с женами, на концерты знаменитостей, на просмотр нового фильма, посещали спектакли областного драматического театра или Хабаровского театра музыкальной комедии, приезжавших в Холмск на гастроли.

Такая бригада — не утопия, она существовала на самом деле, еще живы люди, работавшие в ней.

Говоря о бригаде А. С. Хан, следует обязательно сказать о старинных русских артелях, возникших из родового быта. В артели главенствовало равенство ее членов, вместе с тем артельная организация труда утверждала высокую меру ответственности каждого за общее дело. Один из договоров, составленный пятого июня 1869 года, гласил:

«Общаясь между собою ласково и дружелюбно, честно и добросовестно трудиться, заботиться общекупно, как лучше».

К началу Первой мировой войны рыбные хозяйства России давали около шестидесяти пяти миллионов пудов рыбы, семьдесят процентов из них добывали артели.

Вообще в России очень глубоки традиции общинного хозяйствования и артельно-кооперативного труда. Кооперативное движение добилось в начале XX века больших успехов. Капиталистические фирмы в Сибири были вытеснены кооператорами. Объединение кооператоров обходилось без посредников, они закупали для своих нужд даже пароходы, чтобы доставлять продукцию в Англию. Ими была создана сеть кредитных товариществ, по числу которых Россия к 1913 году вышла на первое место в мире. Выдающийся экономист А. Чаянов, гениальный химик и социолог Д. Менделеев, крупнейший предприниматель С. Морозов доказывали, что самым прогрессивным для России направлением было бы развитие артельно-кооперативного способа хозяйствования. Этот способ, писал Д. Менделеев, является «наиболее обещающим в будущем именно по той причине, что русский народ исторически привык и к артелям, и к общинному хозяйству».

Когда Хрущев на XXII съезде КПСС провозгласил программу построения коммунистического общества, то душу обывателя тронула больше всего самая лакомая часть этой программы — каждому по потребности. Приходи, значит, в магазин или прямо на базу, бери, чего душа желает, жири и пей досыта, до отвала. Тот же обыватель с лихорадочным блеском в глазах передавал соседу, какие деньжищи загребает Шура Хан. Но он решительно не желал вникнуть, из чего складывается ее заработок. И власти именно об этих главных сведениях деликатно помалкивали, полагая, что деньги — дело десятое, поскольку главным мотивом высокопроизводительного труда является сама идея всеобщего благоденствия, она и есть «архимедов рычаг», при помощи которого можно перевернуть мир. Между тем бригада являлась первичным звеном в многосложном производственном процессе, здесь осуществлялись или, напротив, хоронились все программные мечтания. На самом высоком уровне стоило изучить опыт лучших бригад, разложить его по полочкам и призвать остальных: поступайте так же. Что заработали — ваше! Заработали миллион — получайте! Вышел вам шиш — извольте им и довольствоваться.

Власть не захотела и, в силу своей идеологической зашоренности, не могла приступить к поискам глубинных факторов повышения эффективности производства. Иначе пришлось бы давать экономические, а следом и политические права низовым коллективам — бригадам, цехам, предприятиям, колхозам, делать крутой поворот и в центр экономической политики ставить интересы человека, а не отрасли. Что было бы, если бы министерства отчитывались не по количеству выплавленной стали, выкачанной нефти, выловленной рыбы, а по уровню жизни сталеваров, нефтяников, рыбаков?

Что касается заработка, Шура Хан рассказывала в 1966 году писательнице Антонине Коптяевой:

— Нынче мои рыбаки заработали по четыре тысячи рублей на человека только за три месяца путины. А ведь мы работаем круглый год: едем на север Сахалина, ловим кету в Рыбновске. Зимой корюшку берем на юге, по полтора ста центнеров вытаскиваем неводом за один раз. Так что заработки у нас хорошие.

Руководители предприятий знали: в трудную минуту, когда оскудеют их банковские счета, Шура даст им займы, чтобы вовремя выдать зарплату рабочим. Без бумаг, без процентов, под честное слово.

ДОМ

В центре города Холмска высятся два железобетонных монстра — два вычурных сооружения, с гонором поглядывающих друг на друга. Начали их строить в тот период, когда мы, народ, развесив уши, внимали байкам о том, как можно разбогатеть на одних процентах и, подобно Лене Голубкову, попивать водочку, закусывая бутербродом с икрой (а чтобы вызвать у зрителя обильное слюновыделение, оператор выхватывал комок икры, небрежно роняемый на пол), покупать жене итальянские сапоги, норковую шубу. Эко счастье привалило: не надо пахать и сеять, ковыряясь в навозе, лезть в шахту, обливаться потом у плавильных печей...

Небылицы лопнули, строительство замерло, не достигнув крыши, коробки разинули рты, хозяева исчезли вместе с деньгами вкладчиков. Это — памятники российскому капитализму.

А в тихом переулке на улице Чехова, недалеко от районного Дома культуры, скромно приютился трехэтажный сорокаквартирный дом. Ему уже больше сорока лет, но в нем живут. Это дом Шуры Хан — так называют его старожилы. История его создания такова.

Пост министра рыбного хозяйства в ту пору занимал Александр Акимович Ишков. Личность выдающаяся, явление в руководящем составе страны уникальное: шутка ли — тридцать восемь лет в одном кресле! Поощадили его сталинские репрессии, война, хрущевский волонтаризм. Взял он бразды правления в 1940 году, сменив на этом посту П. С. Жемчужину, жену В. Молотова, высокий кабинет покидал лишь в 1950 — 1953 годах, конечно, не по своей воле. Поставили на его место одного за другим двух министров, но пришли к заключению, что оба не стоят одного, и вновь утвердили Ишкова.

В 1930 году двадцатипятилетнего слушателя сельскохозяйственной академии по призыву ЦК ВКП(б) направили в рыбную промышленность. Незаурядные способности выдвинули его в первые ряды лучших специалистов, и уже через девять лет он стал заместителем наркома, а еще через год — наркомом.

Перечислить все заслуги министра А. А. Ишкова — значит изложить новейшую историю отечественной рыбной промышленности. Только осведомленный человек знает, с каким трудом возникли крупные индустриальные научно-технические и производственные центры отрасли, как промысловые суда вышли в поисковые экспедиции — в западную часть Атлантики, на просторы Мирового океана. При нем был создан крупнотоннажный флот, шло его непрерывное техническое перевооружение, развивалась отечественная рыбохозяйственная наука. Учебные заведения министерства рыбного хозяйства — школы, училища, вузы — как магнитом притягивали подростков и юношей со всего Советского Союза. Их брали на полное государственное обеспечение, учили мудреной рыбацкой науке. Многие из них стали высококлассными специалистами, кормили страну рыбой, а на кителя привинчивали ордена и медали. Самого Ишкова наградили пятью орденами Ленина, а в 1975 году присвоили звание Героя Социалистического Труда.

Александр Акимович часто выезжал в самые отдаленные точки Советского Союза, досконально знал вверенное ему хозяйство, лично был знаком с руководителями разного уровня, учеными и инженерно-техническими работниками, изобретателями, рационализаторами, лучшими рыбаками страны. Не обошел он вниманием и сахалинскую знаменитость. После продолжительной, сугубо профессиональной беседы министр перешел на житейское.

— Какие просьбы у вас будут ко мне?

Александра Степановна удивленно вскинула брови:

— Я не поняла вопроса.

— В чем лично вы нуждаетесь?

Министру привычно было слушать просьбы насчет машины, квартиры, ковров, повышения в чине.

Рыбачка гордо ответила:

— Я лично не нуждаюсь ни в чем, а будет какая нужда — приобрету сама. А вот для моей бригады прошу построить дом. Рыбаки живут в ужасных условиях.

Министр дал слово.

Строили тогда медленно: уйму вопросов надо было прежде согласовать и утрясти, определить подрядчика, обеспечить его материалами. В общем, прошло полгода, а о доме ни звука. Шура стала теревить Сахалинрыбпром, позвонила в министерство. Столица ответила, что слыхом не слыхивали ни про такую рыбачку, ни про дом.

Обладала Шура характером твердым, отличалась независимостью суждений, в рот начальству не заглядывала, высказывала то, что думала, — хоть директору рыбокомбината, хоть партийному руководителю любого ранга.

В 1958 году (на шестом десятке!) она вступила в ряды КПСС, ее тут же избрали членом бюро горкома. Далее предоставим слово старому холмчанину Ивану Алексеевичу Гребенникову, проживающему в Ленинградской области. В одном из писем он рассказал:

«С Александрой Степановной я близко познакомился, когда работал диспетчером Холмского морского торгового порта. На период путины издавалось закрытое постановление правительства СССР о передаче во временное пользование части глубоководного причала № 6. Там устанавливались рыбонасосы, и по лотку гнали рыбу из кунгасов на рыбозавод. По делам службы мы с ней встречались постоянно и вынуждены были дружить. Иногда и следовало бы на нее осерчать и рывкнуть, да не получалось. Забежит к нам, чтобы поскорее поставить кунгасы к причалу, и уже через минуту находишься в ее власти. Росту была среднего, полноватая, в рыбацкой робе выглядела как колобок, такая веселая, улыбчивая, жизнерадостная, осыплет тебя шуточками, прибауточками, околдует — ну своя в доску! Выручали мы ее всегда. Выручила однажды она и нас. Не скажу, что отплатила угождением, поступила по совести, поскольку тут наши личные отношения были совершенно ни при чем.

Вызвали на бюро горкома начальника Холмского порта А. В. Кузнецова (позже стал председателем горисполкома), парторга И. Н. Курганского и меня за «неправильное» распределение квартир. В горисполком поступили жалобы, нас решили примерно наказать, по распоряжению первого секретаря горкома Л. Главного уже подготовили проект постановления — каждому по строгому выговору с занесением в учетную карточку. При обсуждении вопроса большинство членов бюро помалкивало, а Александра Степановна восстала: «Разбиралась я с этими жалобами. Жалобы справедливые, но еще справедливее были бы жалобы тех, кому дали, если бы их обошли. Надо строить больше жилья. Город производит продукции на сотни миллионов рублей, а большинство людей проживают в дощатых бараках. Всем нам стыдно должно быть за это». Ее поддержал А. И. Хижняк, в то время второй секретарь горкома. Главный вспылил, но Александра Степановна была не из тех, кого можно смутить начальственным окриком. Она живо поставила на место первого секретаря, заявив, что носят они партбилеты одного образца, имеют равные права и равные обязанности. Главный прервал заседание, потом где-то задержался, видимо, нарочно. Заседание повел Хижняк, объявили нам по выговору. И тут ворвался Главный, стал грозиться обкомом. Александра Степановна и Хижняк встали стеной. Рассмотрение вопроса сначала отложили, потом потихоньку замаяли».

Живы свидетели и другого случая. Пригнала Шура кунгасы с рыбой, а на приемном пункте безалаберность, десяток судов томится в ожидании. Жара, рыба портится, бригадир мечется в поисках хоть какого-нибудь завалящего руководителя. Вся она кипит, а тут под горячую руку — Павел Артемович Леонов со свитой. Она давай прилюдно отчитывать первого секретаря обкома. Голос гремит на весь рыбный порт, у народа вокруг — уши торчком. Наверное, впервые в жизни Леонова так драили. Он пытается ее остановить.

— Успокойтесь, Александра Степановна, рыбу у вас примут первым сортом.

— Нет, не успокоюсь! Разве дело в том, каким сортом примут рыбу у меня? Возмущает бесхозность, в которой виноваты и вы!

На чьи головы потом пала тяжелая рука первого секретаря, неизвестно, но не надо думать, что Шура относилась к той категории людей, кто на второй день после указа о награждении левой ногой открывает двери в высокие кабинеты, лезет во все щели, мозолит глаза, чтобы напомнить о себе и покрасоваться. Она не страдала заносчивостью, не демонстрировала панибратство с руководителями, напротив, относилась ко всем уважительно, будь это даже безусый инструктор горкома. Каждого приветит, обязательно к столу пригласит, обедом накормит, чаем напоит. А гнев в ней вызывало то, что люди, облеченные властью, не исполняли свой долг так, как исполняла его она.

Не стерпела Шура министерской забывчивости, полетела в Москву, потребовала у Ишкова приема. Можно только предположить, какой там произошел разговор, но она о нем никогда не обмолвилась ни словом. Однако не успела она сойти в Южно-Сахалинске с самолета, как к строительству дома приступили.

Видимо, к этому времени относится постановление бюро обкома от двадцать пятого ноября 1960 года. Параграф восьмой гласит: «Записка депутата Сахалинского областного Совета депутатов трудящихся, Героя Социалистического Труда А. С. Хан «О строительстве 40-квартирного жилого дома и столовой в г. Холмске».

Бюро обкома КПСС отмечает, что т. Хан А. С. правильно ставит вопросы об улучшении культурно-бытовых условий трудящихся в городе Холмске. В районе судоремзавода и других близлежащих предприятий с общей численностью рабочих и служащих более пяти тысяч человек расположена только одна столовая, не обеспечивающая обслуживанием обедами такого большого контингента этих предприятий.

В целях улучшения обслуживания трудящихся г. Холмска, а также улучшения жилищных условий в городе бюро обкома постановляет:

1. Принять к сведению заявление т. Маковец о том, что облрыболовпотребсоюз включил в титульный список капстроительства на 1961 год тресту «Сахалинморстрой» строительство столовой в г. Холмске сметной стоимостью 1 млн. 200 тыс. рублей с вводом ее в эксплуатацию в III квартале 1961 года.

3. Принять к сведению заявление т. Дедкова о том, что Сахалинрыбпром предусмотрел в титульном списке на 1961 год тресту «Сахалиншахтострой» строительство жилого 40-квартирного дома в г. Холмске, в котором предоставит квартиры нуждающимся членам бригады т. Хан.

6. Обязать Холмский ГК КПСС (т. Главного) установить контроль за ходом строительства столовой и 40-квартирного жилого дома с обеспечением ввода их в эксплуатацию в указанные сроки).

В 1961 году дом был сдан, большинство квартир в нем заселили рыбаки бригады А. С. Хан.

Свой частный дом Шура безвозмездно передала горисполкому, а в новостройке получила большую квартиру, сделанную по заказу. Для них с мужем хватило бы двухкомнатной, но с ней жили сестры, племянницы.

Шура теперь всегда была с бригадой. В доме ее стараниями и при полной поддержке обитателей был установлен порядок, который соловьи свободы злопыхательски называли «казарменным социализмом».

По милости их предшественников на заре советской власти коммунизм изобразился так: все живут под одной крышей, во время полевых работ — на стане. Вечером трактор натягивает одеяло — отбой; утром стаскивает — подъем. Еда из общего котла, работа и отдых — по команде. Жены и дети — общие, никаких сердечных переживаний, никаких драм.

При желании можно осмеять и оплевать все, даже самое святое.

С первого дня стараниями всех жильцов, включая детей, в доме поддерживалась идеальная чистота — ни царапины на светло-голубых панелях, ни соринки на чисто вымытых лестницах. В первую же весну вышли всем домом благоустраивать двор: убрали мусор, завезли земли, разбили клумбы, посадили цветы и кустарники, соорудили детскую песочницу. И в течение многих лет никто клумбы не топтал, цветов не рвал, не ломал кусты. Здесь не собирались компании, не распивали бутылки, не сквернословили, не сорили окурками.

Одна из квартир была оборудована под красный уголок, который функционировал без штатного работника. К услугам жильцов здесь были подшивки газет, популярных журналов, шахматы и шашки. Раз в месяц сюда собирались члены бригады, обсуждали текущие дела, намечали планы. Изредка Шура отчитывалась о своей депутатской работе. Тогда вели протокол, задавали уйму вопросов: о работе общественного транспорта, хлебозавода, больниц. На такие собрания приходили представители горисполкома, горкома партии. В долгие зимние вечера собирались по-соседски, семьями, поговорить, почаевничать. Дети слушали воспоминания и рассуждения взрослых о труде, о жизни. Им можно было запросто пошутить со знаменитой рыбачкой, потереться у ее колен, ощутить прикосновение шершавых ладоней, услышать от нее ласковое слово. Взрослые радовались успехам детей в учебе. Радостный огонек общения многих манил сюда!

Нет, людей цементировал не «казарменный социализм», а жизнеустройство высокого порядка: комфортный быт, высокая культура досуга, взаимовыручка во всем, возможность учить своих детей, бесплатно лечиться, выезжать в санатории, наконец, защищенность от пьянства, хулиганства, грабежа, разбоя, наркомании. Чувства взаимопомощи, справедливости и нравственности укоренены в человеке вековым опытом бытия, силой его инстинктов.

О ПРЕДМЕТЕ ВОЗВЫШЕННОМ

Бывают в жизни человека эпизоды, которые высвечивают его натуру больше, чем публичные выступления или плановые показатели.

Судьбе угодно было, словно в назидание потомкам, свести их на одной из московских улиц. В многомиллионном городе можно жить десятилетиями и не встретиться, а тут в редкий приезд в пестром людском потоке цепкий взгляд Шуры выделил фигуру, которая заставила ее вздрогнуть. Лицо было знакомо, хотя старческая блеклость сильно изменила его. Платице старомодного покроя на узеньких худых плечах висело как на вешалке, туфли неопределенного цвета еле держались на сухоньких ножках, сутулую спину прикрывал полушалок, который был когда-то белым. Женщина шла медленно, глаза ее были открыты, но в тусклом взгляде не было никакого интереса к многоцветной картине жизни. Шура остановилась перед ней.

— Это ты, Оля?

Женщина от неожиданности вздрогнула, вперила взгляд, пергаментное лицо ее порозовело. Она вскрикнула, уронив ридикюль, вскинула руки, хотела обнять, но слабые руки упали, из уст вырвался стон:

— Шура! Господи, Шурочка!

Шура обняла ее, расцеловала, подняла сумочку, взяла под руку.

— Где тут ближайшее кафе или ресторан?

— Что ты, Шуручка, какой ресторан? В таком виде меня и не пустят. Я последний раз в ресторане была...

Плача и смеясь, она так и не могла вспомнить ни последнего ресторана, ни иных радостных и веселых застолий. Они заняли столик в кафе.

— Какая же ты счастливая, Шуручка! Герой Труда, вся в орденах! Я знала, я верила, что ты станешь знаменитой. Дай хоть полюбоваться на тебя...

И она потрогала золотую звезду, тоненькими пальцами гладила широкую кисть подруги и торопливо рассказывала.

— Помнишь, какими счастливыми мы были в молодости, как рвались в столицу, в большую жизнь!

Шура так горячо любила Ольгу, что отдала ей свою путевку на рабфак. У Оли не было ни денег, ни одежды. Шура собрала необходимую сумму, сняла с себя единственное выходное платье. Расстались они с мечтой о скорой встрече. А состоялась она через три с лишним десятилетия совершенно случайно.

— Ах, Шура, какие передо мной открывались возможности! Но рабфак я бросила, вышла замуж за важного человека. Но он оказался совсем не тем, за кого себя выдавал. Вила уютное гнездышко, а оно оказалось омутом. Ни профессии, ни семьи у меня нет, теперь я одинока, больна и никому не нужна. Я живу так, что мне стыдно пригласить тебя в свою квартиру.

Ольга плакала, утиралась концом шали, жаловалась на чьи-то интриги и предательства.

— Помнишь, Шуручка, в дни нашей молодости часто говорили: человек сам кузнец своего счастья. Я рада за тебя, ты сумела его выковать. И где — в дальневосточном захолустье! А я все порастеряла в столице.

Она бросилась целовать Шуру руки.

Шура проводила Ольгу, положила ей в сумку деньги. Расстались они навсегда. Оля не захотела дать свой адрес, и Шура понимала почему. В эту встречу москвичка раскрылась вся, больше ей сказать будет нечего.

Совершенно закономерно: судьба человека, жившего только для себя, оказалась пустоцветом. Шура жила для людей и именно в этом нашла свое счастье, удовлетворение своих физических и духовных потребностей. Старались прилепиться к ней многие, но круг задушевных ее друзей был ограничен. В их число входила Клавдия Михайловна Рожкова, работавшая с незапамятных времен детским врачом в Холмске. Лет восемь назад я попросил ее поделиться воспоминаниями.

— Да разве о Шуру расскажешь в один присест? Приглашала она нас в гости по праздникам, собиралось несколько семей. Шура вся сияла, когда мы приходили. Она знала наши вкусы, старалась угодить каждому, подавала на стол разнообразные блюда русской и корейской кухни, марочные вина, водку. Ни пьянству, ни чревоугодию мы не предавались и, конечно же, шли к ней не ради обильных угощений. Сама Шура не пила: нальет себе бокал шампанского, да так и не выпьет его за весь вечер. Шутили мы, смеялись, пели песни, слушали ее интересные рассказы, делились своими семейными радостями и заботами. Какая искренность была в этих застольях, как все мы молодели в такие вечера!

Ее душевная щедрость не знала границ, к ней шли люди со всевозможными просьбами, любая баба могла остановить ее прямо на дороге: «Шура, помоги!» И она помогала как депутат областного Совета, как член бюро горкома партии, как человек, которому редко кто отказывал в просьбе. Она вечно за кого-нибудь хлопотала: для многодетной семьи добилась квартиры, матери-одиночке помогла устроить дитя в садик, воевала с руководителями автопарка, разбирала уйму жалоб, теребила горком, трясла горисполком. Чиновники и нерадивые начальники откровенно побаивались ее. Не обходилось и без курьезов. Поначалу пытались ушлые людишки достать через

нее машину, попасть на базу за костюмом или шубой для женушки. Шура давала такой отпор, что проныры обходили ее потом десятой дорогой.

Зато охотно откликалась она на просьбы молодежи, учителей, школьников — побывать у них в гостях, рассказать о рыбацком труде, принимала участие в комсомольских конференциях, встречала делегации столичных гостей. Она не робела ни перед писателями, ни перед космонавтами. А что? Ее золотая звезда была отлита из металла той же пробы, что звезда Павла Поповича, и космонавты не обидятся, если я поставлю их в один ряд, как они встали на встрече четвертого июня 1965 года на Холмском вокзале.

Она была лучшим представителем рабочего класса страны, гордилась этим великим званием, с честью носила правительственные награды как заслуженную оценку ее труда.

При всей популярности она оставалась скромным человеком: не требовала кабинетной должности, считая, что именно труд простой рыбацки составляет смысл ее жизни, является хранителем ее чести и достоинства. Дома у нее не было ни рижской мебели, ни хрустальных сервизов, ни персидских ковров. Она недоумевала: зачем человеку роскошь? Только один раз, и то по инициативе сверху, ей устроили торжество — семнадцатого ноября 1966 года во Дворце культуры моряков отметили шестидесятилетие. Приехали гости из области, прибыли руководители города, пришел со своими заместителями начальник Сахалинского морского пароходства С. Ф. Камышев, выступивший затем с горячей речью. Присутствовали члены ее бригады в полном семейном составе. Ее спрашивали: «Шура, когда же ты начнешь жить для себя?» Она смеялась: «А я для себя и живу». Такова была душевная потребность этой женщины, ей хотелось, чтобы везде был порядок, чтобы все жили в добре и достатке. Больше таких людей в городе я не знала. Обойдите старожилов, расспросите про Шуру, они вам скажут то же самое.

Да, все, кто помнит Александру Степановну Хан, свидетельствуют: двадцать семь сахалинских лет являются ярчайшей страницей жизни не только знаменитой рыбацки, но и частью нашей биографии. Душа ее была нараспашку, не таилось в ней ни хитрости, ни двойной морали. Ведь для одних нравственность — костюм, надеваемый при входе в приличное общество, а Шура и в рыбацкой робе была человеком высоких гуманистических качеств. Ее пример лишний раз подтверждает, что труд и нравственность нерасторжимы. Только духовное и живое способны решить проблемы социального мира на земле и в конечном итоге спасти человечество от самоистребления.

Шура Хан сделала то, чего не сумели сделать многие из нас по своей нерешительности, лености или душевной заскорузлости.

В 1970 году она уехала в подмосковные Химки, ведала там небольшим рыболовным предприятием. Весть о ее смерти пришла на Сахалин через восемнадцать лет.

